

М.Ф. АБРАМЕНКО

Мне трудно писать, так как не довелось в школе учиться, всего лишь два месяца посчастливилось ходить в школу. В 1930 году нас сослали с Украины в Сибирь. Везли нас в товарных вагонах, на станции Яя выгрузили и погнали в лагерь. Там загнали в большущий барак с двухэтажными нарами. В бараке на полу опилки, сыро, спертый воздух. В первую очередь стали умирать дети и старики, покойников складывали штабелями, потом увозили на телеге и закапывали. Было нас шестеро, трое умерли, трое остались в живых.

В апреле нас увезли в Томск, там было много барачков, в одном из них жили сироты. Помню, что их водили купаться и мы им завидовали, не понимали, что им еще хуже без родителей. Летом увезли нас в Могочино, там мы жили на шпалах. Мама работала на лесопильном заводе. Когда подходил пароход, мы, бывало, криком кричим, боимся, что нас увезут, а мама останется. Скоро нас повезли на барже до пристани Ламеевка (теперь Лыса-гора), тут нас встретил папа и мы уехали в Суйгу, поселка еще не было (Суйга - название речки). Там стояли три барака без толков. Родители наши стали строить, папа занят был на распиловке, мама шкурила. Тем временем мы жили под дождем, в голоде и в холоде, заедали комары, на ногах были раны. Паек был очень скромный, до конца месяца его не хватало. Папе давали семьсот грамм хлеба на тяжелой работе.

Зиму мы пережили, стали корчевать под огороды. Папа говорил нам: остались живы, ну и слава богу, будем трудиться, будем жить, нам не привыкать трудиться, за свой труд мы и попали в Сибирь. В деревне мы за последние вещички выменяли картошку, посадили ее; папа корчевал, а мы копали лопатами. Уродила картошка жалкая.

В 1933 году нам привезли коров на выплату, уже папа стал зарабатывать деньги получать, а до этого только паек выдавали и никаких денег. Жили мы под комендатурой, папа с мамой работали в Гугойге за пятнад-

цать километров от нашего поселка, так как в Суйге еще не было лесозаготовок. Мы оставались дома одни, у нас уже было хозяйство — корова, теленок. Утром встанешь, вода замерзла в посуде. Мне было двенадцать лет, сестренке — восемь, братику — шестой годик шел. Вот таким было детство наше. Мама приходила домой на выходной, приносила нам немного хлеба, от себя они его отрывали. В 1934 году летом все дети работали, бересту драли, а подростки валили березы. Когда одного мальчонку убило березой, родители не стали отпускать нас на работу, тогда комендант приходил, угрожал. В поселке одна работа была — деготь гнали из бересты, вот мы и драли ее.

В 1935 году открыли школу, сестренка и братик пошли учиться, а мне не в чем было и некогда, у нас уже хозяйство было большое: огород, корова, овечки и на двоих хозяев одна лошадь. Папа говорил: будем трудиться, дальше ссылать некуда. На покосе мы все вместе работали и отец, глядя на нас, радовался, говорил: милые мои труженики, какое у вас детство несчастное, за что же так? И слезы катились у него из глаз, сердце его чувствовало, что не все еще мы пережили и что оставит он нас навсегда.

В 1937 году, 23-го августа приехал папа домой из Гугойги на выходной день сено метать и не успели мы сметать, за ним пришли и забрали как врага народа. Восемь человек взяли из нашего поселка и никто не вернулся, и нас эта беда не обошла, и опять в душе боль и обида. Я уже стала понимать, что людей, тружеников невинных несправедливо наказывают. Не успели мы опомниться от горя, а тут война. Налоги денежные, масла 13 кг, мяса 40 кг, картошку, шерсть — все отдавали для победы, работали от темна до темна, без выходных, на лесоповале летом возили груз на лодках за сто километров. И пекарем я работала, проработала до 1951 года и надорвалась, получила опущение желудка, долго лечилась, больше не смогла вернуться на производство.

У меня уже были маленькие дети, вырастили мы с мужем четырех де-

тей, таких же тружеников. Одна дочь сейчас в Армении, другая на Украине, еще дочь и сын живут с нами в Суйге, у всех свои семьи, есть у нас внучата и правнуки. Но то, что мы пережили, — это рана, которая не заживет. Мне было девять лет, я все помню, но не все могу описать. Очень горько и обидно, что к таким старикам нет уже никакого внимания. Мне 67 лет, мужу — 73, он получает пенсию 64 рубля. Я ничего не получаю, а столько проработала — разве это справедливо? Где мне искать мой стаж утерянный?

Я неграмотная; чтобы все описать, надо много писать, а не знаю, нужно ли это? Наших родителей нет уже давно, а как бы они были рады услышать правду о репрессии! Моих сверстников в нашем поселке осталось немного. Если бы ко мне вернулось здоровье и хотя бы пятнадцать лет, я бы держала полный двор скотины и большой огород, потому что люблю хозяйство. Будь современная молодежь хотя бы чуть похожа на нас, стариков-трудяг, насколько продвинулась бы наша Родина и какая была бы экономия! Посмотришь на теперешних работяг и думаешь: за что же они деньги получают? Я бы за такую работу не взяла деньги: это, действительно, так. Вы меня извините за мою писанину, но это все правильно. Я выросла в Сибири в поселке спецпереселенцев и помру с обидой на несправедливость: ведь не заработала даже на лекарства себе.